

АННА
АНИКИНА

ВЕТЕР С СЕВЕРА

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
А67

Аникина, А.

А67 Ветер с севера / А. Аникина. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 616 с. — (Взрослые девочки).

ISBN 978-5-521-89980-7

Катя Кузьмина долго жила за границей. Она говорит на несколько иностранных языках, у нее блестяще перспективы. Однажды она сказала, что выйдет замуж за моряка. Того, кто станет адмиралом. Вадим Ветров? потомственный военный моряк. Он и не надеялся уже, что однажды счастье само поднимется на палубу его корабля. Романтическая история любви, преодоления и верности. Тем, кому судьбой суждено быть вместе, не жить друг без друга.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-89980-7

© Аникина А., 2024
© Левашова Е., оформление, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ПРОЛОГ

Катер подошёл к кораблю.

Им подали трап по правому борту. Прозвучала команда «Адмирал на борту!».

И Катя стала взбираться вверх по трапу следом за дедом. Наверху Катерине подал руку стоявший у трапа офицер. Катяглянула недоуменно. Потом всё же протянула ладонь. Ей помогли перешагнуть на борт. Она потопталась, подбирая правильную ногу. И шагнула с правой, как учили.

Офицер чуть заметно улыбнулся. И отпустил Катину руку.

Потом промаршировал к деду и, приложив руку к фуражке, докладывал ему громко и отчётливо.

Катя его в этот момент разглядывала. Высокий. Примерно одного роста с её дедом и отцом. Глаза в обрамлении длинных ресниц. Не понятно, серые или синие. Особенно на фоне чёрной формы, серого моря и серого корабля.

Вот зачем мужчинам такие ресницы? Если бы у нее были такие, она б и не думала красить такое сокровище. Черты лица правильные. Нос тонкий, нижняя губа чуть полнее верхней. Подбородок волевой. Уши красивые. Волосы не ясно какие. Из-под

фуражки не видно. Стрижка короткая. На всё это разглядывание у Кати ушло меньше минуты.

Очнулась она от конца доклада: «Капитан третьего ранга Ветров». Ветров, значит. Кап три, уже совсем не молодой, значит.

Сколько ж ему лет, интересно?

ГЛАВА 1

Катя Кузьмина впервые увидела море в два года. Ей не понравилось. Родители повезли её в Египет. Это она потом узнала, что это был Шарм-эль-Шейх. И отель пять звёзд с системой «все включено».

Тогда ей было просто жарко. А вода в море была противная. И мама всё время разговаривала сердитым голосом. Сначала с папой. Потом с Катей. А в конце плакала.

Катя не могла понять, как сделать так, чтобы мама не плакала, а папа не курил на балконе сигарету за сигаретой. Катя хотела в тёплый бассейн. Но мама сказала, что там водится ротавирус.

Это слово Катюша отлично выговаривала. У неё не было проблем с дикцией. Она бодро сообщала официантам, что папа кардиохирург. Официанты уважительно кивали. И даже накрывали заранее стол «доктора из России».

Тогда мама стала учить её слову «терапевт». Простое слово. Но ему почему-то не радовались официанты. И мама грустила. А папа уводил Катю качаться на качелях в тени больших пальм. И есть мороженое. Она однажды съела сразу три порции. И начала чесаться. Но папа дал ей какой-то сироп. И мама даже не заметила.

Второй раз Катя попала к морю уже в пять лет. Только с мамой. Они шли по набережной, ели мороженое и мама снова плакала. Это море было другим. Могучим. Большим. Суровым. Хотя летнее солнце припекало. И чайки весело носились над волнами и кричали что-то на своём языке.

Все вокруг говорили не по-русски. Хотя некоторые слова вроде похожи. Катя вслушивалась в речь, пытаясь уловить смысл. Иногда это получалось.

Вот ведь совершенно понятно, о чем говорят две старушки на лавочке. Одна другой рассказывает, что у неё болит колено. Вторая сочувственно качает головой. И рассказывает, что очень плохо спит.

Вместо папы появился другой дядя. Такой же высокий. И даже красивый. Дядя Петер.

У Кати была своя комната в их маленькой квартирке. Окна выходили на многочисленные соседние крыши. И Катя искала взглядом домик Карлсона.

По ночам ей казалось, что она ясно слышит жужжание мотора. Увидеть сказочного человечка ей так и не удалось. Хотя однажды она специально провела целую ночь на подоконнике.

Потом её отдали в детский сад. Который был больше похож на школу. Хотя во время занятий они сидели на полу. Дети разговаривали каждый на своём языке. Садик был международный. Педагоги говорили по-английски и по-шведски.

С английским было проще. На этом языке общались мама и дядя Петер. Почему-то думая, что Катя их не понимает. Шведский был вокруг на улице. И тоже потихоньку освоился.

В первый класс её неожиданно отдали в школу при посольстве России. И оказалось, что Катя не умеет писать по-русски. Читает вполне бегло и с выражением. Считает быстро и правильно. А вот с письмом просто беда.

Сколько слез было пролито над прописями! Катя никак не могла понять, почему у неё есть эти проклятые строчки, а у её детсадовской подруги Майи — нет.

Майя была из Индонезии и училась в обычной муниципальной школе рядом с домом. Катя ей завидовала. Подружке не надо было рано утром выезжать из дома за час до занятий. И потом столько же добираться обратно. Она бегала в школу и из школы самостоятельно.

Катю возила мама или хмурый Петер, который из-за неё вечно куда-то опаздывал.

А потом мама и Петер решили, что им нужен новый ребёнок. Катя замкнулась. Папу она теперь видела не часто. Бабушку и дедушку — папиных родителей и того меньше. Папа звонил только маме. И с её разрешения Катя с ним могла поговорить. Несколько минут.

Чем старше она становилась, тем больше от неё требовали. Логично. Петер всегда был строг. Мог и голос повысить. Но и без этого, когда выговаривал что-то Катерине, она сжималась в комок. Мама не защищала. Она хотела нового ребёнка. Попытка за попыткой.

ГЛАВА 2

Когда Вадим Ветров впервые увидел море? Когда его брат уронил набок коляску, в которой лежал крохотный Вадик. Тот кульком вывалился на асфальт калининградской набережной. И увидел Балтийское море.

В то лето их мама приехала погостить к своим родителям вместе с четырехлетним Виктором, полугодовалым Вадимом и шестнадцатилетней Варварой. Через всю страну. Хорошо, что билеты в отпуск бесплатные. Они с отцом служили во Владивостоке на Тихоокеанском флоте.

Океан и море в жизни Вадима были всегда. Жизнь семьи подчинялась службе отца. Пока он был в походах, мать справлялась сама. Как тысячи морячек по всему миру испокон веку.

Потом отца перевели на Северный флот. За полярный круг. После шумного приграничного Владивостока, где на улицах можно было встретить иностранных моряков, а на рейде были флаги всех стран мира, после почти европейского Калининграда с его немецким порядком, мощными улицами и мягкой зимой закрытый и тёмный Североморск Вадиму совсем не понравился.

Отец погиб, когда младшему сыну исполнилось восемь. Он закрыл своим телом юного матросика при падении груза с крана на причале.

Вадим помнил его похороны. Они с братом несли на красных подушечках награды отца. Оказалось, что у капитана второго ранга Андрея Ветрова их было много. Но в своей памяти Вадим изо всех сил старался сохранить другое. Его папа с гитарой у них дома. Большая компания его сослуживцев. Лето. Наверное, отмечают День ВМФ.

Мать продержалась без мужа три года. Однажды оступилась на лестнице. С переломом основания черепа прожила ещё семь часов. Варя к тому времени была давно замужем. Служебную квартиру опечатали, правда, разрешив собрать вещи. С тех пор сбор вещей стал для Вадима личным кошмаром. Как было вы брать то, что тебе действительно дорого? Фотографии? Игрушки? Мамину расческу?

Мальчиков забрал себе в дом командир корабля, на котором служил Ветров-старший. Его жена, устроив скандал, вскрыла квартиру Ветровых вместе с комендантом и бережно упаковала все вещи семьи. Посуду, книги, всякие мелочи. И хранила у себя, пока мальчики не выросли.

Через месяц после похорон матери они с братом вне конкурса были зачислены в Нахимовском военное училище. В шестой и десятый класс.

Сначала их записали как одного человека. И прибывший с ними офицер из штаба Северного флота долго спорил с дежурным в канцелярии. Что это не ошибка. И их действительно двое. Ветровых В.А.: Ветров Виктор Андреевич и Ветров Вадим Андреевич.

— У нас ещё Ветрова Варвара Андреевна есть, — не удержался младший.

— А ты, балбес, молчи лучше. За умного сойдешь, — как-то по-доброму пожурил его сопровождающий.

На флоте своих не бросают. А сирот воспитывают, как могут, всем миром. Так принято.

И что бы ни говорили о равном положении воспитанников в Нахимовском училище, к тем, для кого оно, собственно, было создано, к сиротам флотских офицеров, тут относились чуть иначе, чем к сынкам высоких чинов, засунутым в училище на перевоспитание.